

Д. А. Редин
Екатеринбург

ЛИЧНАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГЕННИНА: ХАРАКТЕР УЧРЕЖДЕНИЯ, ШТАТ, СФЕРА КОМПЕТЕНЦИИ И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА*

Историки единодушны: Вилим Иванович Геннин был лучшим знатком горно-металлургического дела в петровской России. В нем сочетались таланты инженера, организатора производства и администратора широкого профиля. Он умел подбирать кадры, решать, казалось бы, нерешаемые вопросы и достигать поставленных целей. Он был человеком малых личных потребностей и высокой требовательности к себе и подчиненным. Сверх того, он обладал еще одним, уникальным, качеством – был честным чиновником.

Все перечисленные достоинства и таланты де Геннина в полной мере оказались востребованными во время его пребывания на Урале, куда он, получив накануне чин генерал-майора артиллерии, был назначен весной 1722 г. именным указом царя “во всем исправить и привести в должное состояние и размножение” железоделательные и медеплавильные заводы¹. Упадок, в котором находились в то время уральские, или, как их называли в XVIII в., “сибирские”, казенные заводы; острая потребность в их продукции, испытываемая правительством; значение Урала, превращавшегося в главную металлургическую базу страны, – все эти сюжеты многократно освещались в историографии, что избавляет от необходимости подробно на них останавливаться². Целью настоящей статьи является рассмотрение самых первых административных мер, предпринятых де Генниным в 1722–1724 гг. для вы-

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования РФ. Грант в области гуманитарных наук Г02–1.2–27.

¹ Из именного, данного Сенату, указа от 29 апреля 1722 г. *Геннин В.* Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / Сост., вступ. ст., коммент. М. О. Акишина. Екатеринбург, 1992. С. 419.

² Не имея намерения привести исчерпывающий перечень соответствующих работ, обращаю внимание лишь на некоторые из них, вышедшие в свет за последние 70 лет: *Бакланов Н. Б.* Техника металлургического производства XVIII в. на Урале. М.: Л., 1935; *Сигов С. П.* Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936; *Любимиров П. Г.* Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России (XVII, XVIII

полнения поставленных перед ним задач. При этом важно оговорить, что его организационно-техническая и производственная деятельность не займет центрального места в силу изученности данной стороны вопроса, особенно после опубликования ярких и глубоко документированных монографий Н. С. Корепанова³. Основное внимание будет сосредоточено на чисто административном, канцелярском, бюрократическом, если угодно, аспекте: как, какими средствами и способами реализовывал В. И. Геннин свои полномочия? Интерес к этому аспекту вызван несколькими обстоятельствами. Во-первых, он обычно уходил из фокуса исследовательских интересов. Во-вторых, в силу недостаточного внимания он, как правило, излагался слишком кратко и поверхностно. В-третьих, изучение начальной административной деятельности В. И. Геннина на поприще руководителя местного отраслевого учреждения интересно не только с точки зрения горнозаводской истории Урала. Оно имеет более широкое значение, иллюстрируя административную практику петровского царствования вообще, и в связи с этим важно для понимания методов и средств управления в эпоху Петровских реформ.

Среди тех, кто исследовал процесс формирования уральского горнозаводского управления, Н. И. Павленко, пожалуй, первым обратил внимание на то, что в начале своего руководства “сибирскими” заводами В. И. Геннин административно дистанцировался от Сибирского высшего горного начальства / Сибирского обер-бергамта, учреждения, созданного В. Н. Татищевым для курирования горно-металлургической отрасли края. По мнению историка, генерал считал себя непосредственно ответственным только за техническую и организационную сторону дела. Он разделял “весь комплекс работ по управлению уральской промышленностью... на дела обер-берг-амтские, то есть общеадминистративные... и дела, касающиеся его лично”⁴. Впервые, хотя и косвенно, автор поставил вопрос о существовании в течение определенного времени (до начала 1725 г.) *личной канцелярии* де Геннина как особого руководящего элемента ведомственной уральской администрации.

и начала XIX в.). Л., 1937; *Он же*. Очерки по истории русской промышленности. М., 1947; *Злотников М. Ф.* Первое описание Уральских и Сибирских заводов // *Геннин В.* Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. М., 1937; *Мартынов М. Н.* Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I. Свердловск, 1948; *Кашицев Д.* История металлургии Урала. М.: Л., 1939. Т. I; *Струмилин С. Г.* История черной металлургии СССР. М., 1954. Т. I; *Козлов А. Г.* Казенная горнозаводская промышленность Урала в XVIII – начале XIX в. // *Вопр. истории Урала*. 1970. № 11; *Черноухов А. В.* История медеплавильной промышленности России XVII–XIX вв. Свердловск, 1988; *История Урала с древнейших времен до 1861 г.* / Отв. ред. А. А. Преображенский. М., 1989 и др.

³ См.: *Корепанов Н. С.* Никифор Клеопин. Екатеринбург, 2000; *Он же*. Враннем Екатеринбурге (1723–1781 гг.). 3-е изд. Екатеринбург, 2001.

⁴ *Павленко Н. И.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в.: Промышленная политика и управление. М., 1953. С. 148–149.

После того как в начале 1725 г. по инициативе Берг-коллегии были осуществлены меры по укреплению организационной структуры Обер-бергамта и кадровому усилению его делопроизводственной части, “существовавший на Урале аппарат превратился из личной канцелярии Геннина в государственное учреждение...”⁵. Наиболее ценным в этом наблюдении является именно сама констатация факта существования личной канцелярии. Вместе с тем оценка характера учреждения, содержания его деятельности и круга компетенции представляется неверной, о чем речь пойдет ниже. Возможно, что если бы Н. И. Павленко обратил более пристальное внимание на этот сюжет, то он бы существенно скорректировал свои представления о личной канцелярии; но, следуя главной цели своего исследования – изучению всей системы промышленного управления и промышленной политики России, ученый оставил вопрос о канцелярии Геннина без дальнейшего рассмотрения.

Истории личной канцелярии В. И. Геннина касался Э. А. Пензин. В одной из своих статей, посвященных Сибирскому обер-бергамту, он выразил солидарность с мнением Н. И. Павленко, процитировав его замечания о разделении компетенций обер-бергамта и личной канцелярии, согласившись, в том числе, с мнением о нежелании де Геннина заниматься общеадминистративными вопросами отраслевого управления. В доказательство факта наличия особой административной структуры, созданной генералом, Э. А. Пензин привел и собственные данные. Изучая документальные комплексы местных органов горнозаводского управления, историк со всей определенностью пишет о личной канцелярии, “которая наряду с обербергамтом вела *свое делопроизводство*”. “В фонде Сибирского обербергамта, – продолжает он, – нам не удалось обнаружить целостного комплекса протоколов заседаний за 1723–1724 гг., видимо, в этот период основные вопросы управления промышленностью решались Генниным в его личной канцелярии...”⁶. Последнее упоминание названной канцелярии содержится в одной из новейших работ М. В. Бабич. В интересной статье, посвященной типологии комиссий как государственных учреждений Петровской эпохи, она отмечает канцелярию генерала-майора В. И. Геннина в перечне так называемых “следственных комиссий”, ограничивая время ее существования 1722–1723 гг. (автор в первую очередь, видимо, имела в виду то, что в ее ведении находилось следствие по делу Татищева – Демидовых – отсюда и хронология)⁷. Больше о личной кан-

⁵ Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России. С. 149–150.

⁶ Пензин Э. А. Сибирский обербергамт – орган управления горнозаводской промышленностью Урала в первой половине XVIII в. // Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале: История, историография, источниковедение. Свердловск, 1983. С. 112, 114. Курсив мой. – Д. Р.

⁷ Бабич М. В. Комиссии как государственные учреждения петровской эпохи // Российское самодержавие и бюрократия. М.: Новосибирск, 2000. С. 198.

целярии В. И. Геннина не писали. В литературе прочно утвердилась идея о прямом преемстве в управлении уральской горнозаводской промышленностью от Горной канцелярии через Сибирское высшее горное начальство к Сибирскому обер-бергамту. В этой схеме не было места личной канцелярии. В коллективной монографии “История Урала с древнейших времен до 1861 г.”, своего рода итоговом издании, вышедшем в свет в 1989 г., состояние ведомственной администрации на Урале в 1722–1723 гг. описывалось так: “В марте 1722 г. В. Н. Татищев был заменен генерал-майором В. Генниным... В. Геннин продолжил создание горной администрации на Урале, а Татищев вплоть до... 24 ноября 1723 г. выполнял наиболее ответственные поручения Геннина в качестве одного из членов Сибирского обер-бергамта (так с лета 1723 г. стало называться Сибирское высшее горное начальство)”⁸.

* * *

Прямым доказательством существования личной канцелярии де Геннина как руководящего отраслевого учреждения, не тождественного Сибирскому высшему горному начальству / Сибирскому обер-бергамту, служит так называемая “Книга записная перечневая, или журнал, марта з 9-го 1722-го, генваря по 1 число 1723-го году”, хранящаяся в фонде “Уральское горное управление” Государственного архива Свердловской области (ГАСО)⁹. Она же является основным источником по изучению деятельности этого учреждения, поскольку представляет собой часть того делопроизводства личной канцелярии Геннина, о котором в свое время писал Э. А. Пензин. С подробной палеографической и археографической характеристикой памятника можно будет ознакомиться во вводной статье к его публикации, работа над которой ведется мною в настоящее время. В данном случае достаточно ограничиться общими сведениями.

Изначально “Книга записная” (далее КЗ или книга) представляла собою журнал объемом в 120 листов с оборотами, о чем сообщает внутренняя опись дела, составленная 8 августа 1787 г. копиистом Василием Городским во время передачи документов упраздняемой Канцелярии главного заводов правления Пермской казенной палате. В настоящее время от первоначального объема сохранилось 118 листов; утраченными оказались два последних листа. В процессе архивного хранения КЗ была подшита к современным ей документам Сибирского обер-бергамта. Определяя классификационную принадлежность книги, А. Г. Козлов отнес ее к категории протокольных¹⁰. Но

⁸ История Урала. С. 296.

⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^а. Т. 3. Л. 495–613 об.

¹⁰ См.: Козлов А. Г. Обзор документов фонда “Уральское горное управление” (“Канцелярия главного заводов правления”) за XVIII в. // Уральский археографический ежегодник за 1971 год. Свердловск, 1974. С. 96.

это не верно; точнее квалифицировать КЗ как регистр, поскольку большую часть книги занимают регистрационные записи, фиксирующие входящие и исходящие документы, проходившие через личную канцелярию де Геннина. По своему информационному значению эти записи не равноценны. Среди них есть очень лаконичные, включающие в себя только делопроизводственный заголовок (в составе которого, как правило, содержится определение разновидности документа и наименование адресата или корреспондента) и сжатый пересказ содержания документа; более пространные, с развернутым изложением или “выписью” из соответствующего документа; и очень подробные, по существу – копии документов, в которых, как правило, не воспроизводилась полностью лишь начальная стандартная часть формуляра подлинника (наименование корреспондента и адресата, титул монарха). Иногда в книге делалась помета о исполнении по тому или иному документу. Но невзирая на различный объем регистрационных записей, это не меняет их сути, и в связи с этим КЗ в большей мере напоминает журнал, или книгу регистрации входящих и исходящих документов. Вместе с тем в книге имеются записи другого рода. Текст на л. 496, 515 об.–523 представляет собой путевой журнал, зафиксировавший маршрут генерала и его спутников от Олонекских заводов через Петербург и Москву в Кунгур, к новому месту службы. Кроме того, в книге имеются и другие аналогичные записи, отражающие перемещения Геннина во время его инспекционных поездок по рудникам и заводам Урала осенью–зимой 1722 г. Эти путевые записи придают сходство КЗ с так называемым “Юрналам” императорского Кабинета, в котором велась ежедневная “запись местонахождения и времяпрепровождения царя”¹¹. Недаром второе название КЗ тоже “юрнал”.

Весь материал расположен в КЗ по одной схеме. Каждый лист (и оборот) разлинован в ней на три графы. Крайняя левая, или первая, графа – самая узкая. В ней под грифом “числа” писались цифры, обозначавшие день месяца, которым датировалось отправление/получение того или иного документа или перемещение генерала и его сопровождающих из одного населенного пункта в другой. Основное пространство листа занимали вторая и третья графы. Во вторую заносились регистрационные и путевые записи, в третьей делались пометы о исполнении, впрочем, весьма не регулярно, поэтому правая половина листа чаще всего оставалась пустой. Над второй и третьей графами, как правило, отчеркивалась строка, в которую вписывали название месяца и год. Впрочем по мере заполнения журнала его оформление велось все более небрежно, поэтому название месяца и год записывались уже не в начале каждого листа и оборота, а лишь по мере надобности, когда очерде-

¹¹ *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 74.

ной месяц кончался и начинался новый. Для наглядности приведем фрагмент первого листа книги.

числа	месяц март	1722 год
9	По Его императорского величества указу с Олонецких Петровских заводов господин генерал-мазор в Москву чрез Санкт-Питербурх марш восприял.	
14	Прибыл в Санкт-Питербурх и в Санкт-Питербурхе и на Сестре-реке пробыл для исправления тамошних заводских дел марта по 18 число.	
18	То есть в неделю паки из Санкт-Питербурха поехал в Москву.	

Как уже можно было понять, КЗ была известна историкам и ранее.

Первым на нее обратил внимание М. Ф. Злотников. В своей вводной статье к публикации “Описания Уральских и Сибирских заводов” В. И. Геннина он неоднократно цитировал этот источник, не указывая листов и называя его “дневник Геннина”. Последнее объясняется тем, что историк ознакомился с КЗ в конце 1930-х гг. В то время книга, как и другие документы, впоследствии составившие 24-й фонд ГАСО, находилась в стадии архивной обработки, а первая опись фонда была составлена только в 1940 г. Позже в той или иной степени к КЗ обращались М. Н. Мартынов, А. Г. Козлов, Э. А. Пензин и другие исследователи, о чем свидетельствуют не только цитаты из книги, приведенные в опубликованных работах названных авторов, но и записи в листе использования дела. Но, несмотря на то что КЗ была известна специалистам, ее источниковый потенциал оказался осознан и раскрыт ими далеко не в полной мере. Историки извлекали из нее лишь те или иные факты, главным образом касавшиеся истории основания или реконструкции тех или иных заводов (Мазуевского, Екатеринбургского, Егошихинского и др.), эксплуатации рудников, организации производственного процесса, охраны лесов; факты, уточнявшие сроки прибытия де Геннина на Урал, его технические распоряжения, его действия по производству розыска по делу между В. Н. Татищевым и Демидовыми и т. д., и т. п. Между тем вся эта информация, безусловно важная и интересная, содержалась и в других документах, причем в более полном объеме, ведь КЗ являла собой пусть пространный, но всего лишь регистр. Выявление и вовлечение в научный оборот подлинных документов, в том числе и тех, которые были зарегистрированы в книге, наличие значительного числа других канцелярских копий скоро превратило КЗ во второстепенный источник с точки зрения содержащейся в ней открытой информации. Однако в результате тако-

го выборочного подхода от глаз исследователей скрылась та самостоятельная источниковедческая ценность, которой обладает книга. Стоит только отнестись к ней как к целостному явлению, фрагменту дошедшего до нас административного делопроизводства забытой канцелярии, и она раскроет себя уникальным памятником ранней истории ведомственного управления на Урале. Она позволит увидеть не только *что* делал Геннин в качестве руководителя горнозаводской отрасли края, но и *как* он это делал, что на сегодняшний день гораздо важнее.

* * *

Вернемся к событиям 1722 г. и еще раз, с учетом информации, представленной КЗ, попробуем проанализировать в деталях обстоятельства организации поездки де Геннина на Урал и начало его административной деятельности в крае.

В первую очередь следует подчеркнуть, что командирование генерала не означало смену руководства Сибирского высшего горного начальства. В. Геннин ехал *не сменить* В. Татищева на посту главного командира заводов, а *расследовать* деятельность капитана и возглавляемой им ведомственной администрации. При этом имелось в виду не только и даже не столько расследование конфликта между Татищевым и Демидовыми. Распоряжение императора “исправить” “медные и железные заводы” и “привести их в доброе состояние” по умолчанию давало де Геннину санкцию на выяснение причин, приведших производство в упадок. Местные горные власти в этом случае автоматически подпадали под подозрение: не было ли плачевное состояние заводов следствием их нерадения? И надо сказать, забегая вперед, что В. И. Геннин именно в этом ключе и провел розыск “о всем деле Татищева”. “Почему Татищев не размножал медные заводы и “меди плавить не велел”? Отчего он... “вновь железных заводов в удобном месте не построил и не размножил и о том старания не имел?” По какой причине Татищев и Блиэр “о литье пушек не радели”... Почему на Уктусском заводе мастера изготовляли железо плохого качества и это железо у них принимали?”¹² – характер вопросов говорит сам за себя. Из этого важно заключить, что изначально миссия Геннина была *чрезвычайной* и имела ярко выраженный розыскной акцент. Добавим к этому особый статус

¹² Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х -- начале 30-х годов XVIII в. М., 1985. С. 117. Справедливости ради надо отметить, что де Геннин руководствовался в своих поступках не только письменными нормативами. Как не раз подчеркивал впоследствии сам генерал, он имел и устные распоряжения императора, которые, по его мнению, тоже имели силу указа. Среди устных распоряжений содержалось прямое указание расследовать организационно-технические просчеты Татищева. Его, в частности, цитирует Н. С. Корепанов на основании одного из упоминаний де Геннина: “Перед отъездом Петр имел с ним (генералом. – Д. Р.) разговор с глазу на глаз и просил также выяснить: «Для чего Татищев заводы не исправил, и отчего они разорены и не в добром действии»” (Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге. С. 17).

Вилима Ивановича (личный посланник царя) и высокий воинский чин (в Сибири, кроме Геннина, не было ни одного обладателя генеральского ранга), и в памяти возникнет образ розыскной “майорской” канцелярии – яркой приметы Петровского времени¹³. Возможно, в связи с чрезвычайным характером назначения пребывание Геннина на Урале предполагалось *срочным*. Наверное, ни Петр, ни сам генерал не думали, что уральская служба последнего затянется на долгие годы. Уже в апреле, в ходе первых организационных забот, связанных с подготовкой к отъезду, генерал начал (с ведома и одобрения императора) хлопотать о назначении своего преемника¹⁴. А в письме к генерал-майору А. И. Ушакову от 8 мая 1722 г. он совершенно определенно писал: “...по именному Его императорского величества указу требовать от Вашего благородия од гвардии из обор- или ундер-афицеров одного искусного человека для принятия в Сибири... медных и железных заводов”, поскольку “*по отбытии моем со оных заводов быть ему у содержания заводов и у отправления дел директором*”¹⁵. В результате этого запроса на указанную должность был определен сержант лейб-гвардии Преображенского полка Осип Украинцев, явившийся в распоряжение нового начальника 17 мая того же года¹⁶.

Конечно, командировка В. Геннина предполагала, что, помимо расследования деятельности уральской горнозаводской администрации, ему придется самому заняться организационно-технической работой, ведь, согласно указу, он должен был не только “исправить”, но и “размножить” заводы. И хотя Геннин как опытный инженер очень серьезно отнесся к подготовке этой части своей миссии, позаботившись об отправке на Урал целого контингента олонекских специалистов – мастеров, подмастерьев и учеников разных “художеств”, он, видимо, все-таки полагал, что справится с задачей относительно быстро, за год-другой наладив производственный процесс настолько, что его управление можно будет спокойно доверить другому лицу.

Успех замышлявшегося предприятия во многом зависел от того, насколько оперативно и неукоснительно будут исполняться приказания царского порученца. Секрет плодотворной работы де Геннина в качестве начальника Олонекских Петровских заводов заключался не только в его инженерных и

¹³ Вуже упоминавшейся статье М. В. Бабич канцелярия де Геннина отнесена к категории следственных комиссий и, таким образом, розыскной характер полномочий генерала вполне признается. В пользу отождествления миссии генерала с другими чрезвычайными миссиями того времени свидетельствуют и те критерии, которые разработал на материале “майорских” канцелярий В. И. Веретенников. См.: *Веретенников В. И. История Тайной канцелярии петровского времени*. Харьков, 1910. С. 30–36, 40, 48, 70–74.

¹⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^а. Л. 504 об.

¹⁵ Там же. Л. 506 об. Курсив мой. –Д. Р.

¹⁶ Помета против письма к А. И. Ушакову от 8.05.1722: “Маия 17-г[о]дня от господина генерала-маеора Ушакова с писмом явился гвардии сержант Осип Украинцев” (Там же).

организаторских талантах, но и в абсолютных полномочиях, которыми он обладал, будучи одновременно комендантом (т. е. воеводой) Олонецкого уезда¹⁷. Уральская перспектива была с административной точки зрения несравненно сложнее: уральские мануфактуры, рудники, приписные селения, снабжавшие производство рабочей силой, были разбросаны по территории нескольких уездов. В связи с этим руководство отраслью было рассредоточено: комиссары Берг-коллегии, ранее направлявшиеся в край (в том числе и Татищев), были ограничены в своих властных полномочиях и сильно зависели от расположения уездного, провинциального и губернского начальства – подлинных распорядителей людских и материальных ресурсов. Эту проблему пытался решить В. Н. Татищев, создав первую отраслевую структуру управления на Урале, чьей задачей как раз и являлась концентрация власти в области горнозаводского дела. Однако Горная канцелярия, а позже – Сибирское высшее горное начальство, орган коллегиального типа, не оправдали возлагаемых надежд. Местные гражданские администрации не считались с этими учреждениями во многом и потому, что их руководитель, В. Н. Татищев, был в их глазах фигурой незначительной. Попытки отраслевого руководства мобилизовать трудовые ресурсы, получить необходимые средства для строительства новых заводов, усилить кадровое обеспечение управления периодически наталкивались на нежелание сотрудничества со стороны земских комиссаров и провинциальных воевод. Татищевское горное начальство даже заводы полностью контролировать не могло. Каменские казенные мануфактуры непосредственно подчинялись губернским властям через назначенных ими комиссаров. Невьянские заводы и вовсе находились в частных руках. Наличие частного сектора, контролируемого Демидовыми и, отчасти, Строгановыми, создавало большие затруднения для свободного развития сырьевой базы казенной металлургии: демидовские и строгановские приказчики решительно пресекали деятельность “посторонних” рудоискателей, не стесняясь при этом в средствах. Кроме всего вышеперечисленного, мало-мощная горная администрация края испытала в начале 1722 г. внутренние потрясения. Приехавший в феврале по указу Берг-коллегии берг-советник И.-М. Михаэлис, будучи озабочен собственной карьерой и как старший по званию (его горный чин соответствовал полковничьему), оттеснил от руководства капитана Татищева, подлинного создателя горной администрации. Последний, втянутый в разбирательства с Демидовыми, стремительно терял и без того невеликую власть, навлекая недовольство столичного руководства, что и привело в конце концов к его полному отстранению от дел.

¹⁷ См., напр.: *Берх В. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя Российских горных заводов* // Горный журнал. 1826. Кн. 2. С. 119; Кн. 3. С. 89.

Конечно, В. И. Геннин представлял, с какими сложностями ему предстоит столкнуться в данной ситуации. Он не слишком обольщался насчет собственного могущества. Генерал достаточно пожил в России и был человеком здравомыслящим: мартовский именной указ, определявший его на уральскую службу, был, по справедливому замечанию М. Ф. Злотникова, слишком “краткий и невнятный, как это часто бывало с его (Петра I. – Д. Р.) указами”¹⁸. Геннину были нужны четкие определения его полномочий, и он начал энергично добиваться этого. Апрель, май и июнь 1722 г. ушли на уточнение генеральских прав. В первом же доношении в Кабинет Е. И. В. от 10 апреля, запрашивая подробную должностную инструкцию, он просил, чтобы воеводам провинций Казанской и Сибирской губерний были посланы соответствующие указы, на основании которых он мог бы требовать с местного начальства необходимый транспорт, “работников и протчие... потребные материалы”. Генерал добивался отдельного указа Берг-коллегии “ко определенному из оной коллегии камисару” (т. е. Михаэлису), чтобы он по его “ведениям давал мастером и подмастерьям и протчим”, находящимся при нем людям, жалованье. В этом же доношении Геннин интересовался, “х кому репортовать”, если от местных “воевод или от других явятся какая противность и преслушание и за тем в делах будет остановка”¹⁹. Не дождавшись в течение двух с половиной недель ответа на первое доношение, нетерпеливый голландец, чьим любимым словом было “немедленно”, 27 апреля адресовал Кабинету новое доношение. В нем он поставил вопрос о полномочиях более решительно и цельно: “Чтоб я имел в Сибири полную мочь, дабы губернатор по моим требованиям не только преслушен был, но все то, что к строению заводов надобно, охотно и немедленно отправлял...”²⁰. Так же, т. е. более широко, генерал настаивал на определении своих полномочий и по отношению к уральским горным властям. В одном из доношений Берг-коллегии от 7 мая он требовал “особливо послать ко обретающемуся на оных заводах управителем указы, чтоб они мне были во изъправлении заводов и при розыске послушны...”²¹. Одновременно с этим де Геннин комплектовал штат специалистов, помощников и канцелярских служителей, что красноречиво свидетельствовало о том, что он не собирался полагаться на уральские ресурсы, в том числе и на местный ведомственный управленческий аппарат. С Олонецких заводов генерал отправил к новому месту службы не только большой контингент мастеровых людей. Олоонец стал поставщиком солдат, кото-

¹⁸ Злотников М. Ф. Первое описание Уральских и Сибирских заводов. С. 26.

¹⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^а. Т. 3. Л. 497–497 об., 498 об.; Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Док. № 1. С. 20–21.

²⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^а. Т. 3. Л. 504; Геннин В. Уральская переписка... Док. № 5. С. 26.

²¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^а. Т. 3. Л. 506.

рых В. И. Генин намеревался использовать в качестве охранников и посыльных по своему ведомству. Что касается канцеляристов и помощников, то царский эмиссар рассчитывал получить их от центральных ведомств. Помимо О. Украинцева, который, по существу, должен был играть роль генеральского заместителя, или, пользуясь старым приказным термином, “товарища”, де Генин запросил у Берг-коллегии одного канцеляриста и одного молодого подьячего к приходу и расходу денег и розыску по делу Татищева (доношение от 7 мая, повторный запрос через канцелярию Сената от 26 июня)²² и одного-двух кондукторов, “которые имеются в Артиллерии... или б повелено указом обретающегося в Москве из иноземцов Петра Вилстера определить кандуктером...” (доношение от 17 июля)²³. В Военной коллегии генерал просил двадцать солдат с унтер-офицером, “с ружьем и протчими воинскими салдатскими припасы” в гребцы и для караульной и рассыльной службы (доношение от 19 мая)²⁴. Чем же завершились все эти хлопоты? Во-первых, В. И. Генин расширил и упрочил нормативную базу своей будущей деятельности. В известной именной инструкции, данной 29 апреля 1722 г., его полномочия определялись в пп. 4–5. В четвертом пункте речь шла о том, что по представлениям Генина Сенат должен немедленно осуществлять приписку к заводам земель и крестьян. Пятый пункт гласил: “На первое время для строения и работ на те заводы людей и протчее, что к тому делу принадлежит, требовать от губернаторов и воевод...”²⁵. В подкрепление этих положений инструкции Петр I тем же числом дал два именных указа – Сенату (“...и когда он, Генинг... будет требовать к тем заводам каких деревень и земель, и по тем ево требованиям чините ко удовольствованию оного дела немедленную резолюцию...”)²⁶ и местным администрациям (“...и когда он для исправления тех заводов, также и для строения вновь будет требовать людей и протчего, тогда по ево требованию отпускать не описываясь, безо всякого задержания...”)²⁶. Из всех этих нормативов в канцелярии генерала был сделан экстракт, внесенный в КЗ²⁷. Нельзя сказать, что полученные указы полностью проясняли полномочия В. И. Генина и давали ему абсолютные гарантии полновластия (дальнейшие события показали, что далеко не все губер-

²² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^а. Т. 3. Л. 506 об., 510 об.

²³ Там же. Л. 511 об.–512.

²⁴ Там же. Л. 508. По указу Военной коллегии на запрос де Генина было прислано 12 необученных и невооруженных рекрутов, которых О. Украинцев вынужден был забраковать и отправить обратно в коллегию. На повторное обращение генерала (доношение от 14 июня) Военная коллегия прикомандировала к нему годных солдат Московского Коробова полка, но лишь в количестве 10 человек (Там же. Л. 508–508 об.).

²⁵ Генин В. Уральская переписка... С. 419.

²⁶ Там же. С. 420.

²⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^а. Т. 3. Л. 496 об.–497 об.

наторы и воеводы приняли их как руководство к действию), но некоторую правовую базу для его деятельности они все же заложили. Что касается канцелярских кадров, то их ядро тоже удалось сформировать накануне отъезда на Урал. В распоряжении генерала оказался секретарь, Назар Заветной (или Заветнов)²⁸, и один молодой подьячий, присланный из Берг-коллегии не ранее 26 июня²⁹. Была удовлетворена просьба де Геннина относительно П. Вильстера, назначенного ему в кондукторы (впоследствии кондуктор Вильстер постоянно сопровождал генерала в инспекционных поездках по Уралу). Еще двух кондукторов прикомандировали от Олонецких заводов. Это были Константин Гордеев и Никифор Клеопин, ставшие в дальнейшем видными горными офицерами. По их собственной информации, они поступили в новую службу в конце марта 1722 г.³⁰ Один из них – Н. Клеопин – выехал на восток империи раньше своего начальника. 3 июня он был отправлен с письмом к казанскому губернатору А. П. Салтыкову³¹. Так личная канцелярия де Геннина обретала плоть.

* * *

2 октября 1722 г., после полудня, В. И. Геннин и сопровождавшие его лица прибыли в Кунгур. Этот уездный центр стал в первое время постоянным местопребыванием генерала и его штата. Надо полагать, что появление в городе столь важного лица стало большим событием. На следующий день по приезде Геннин предъявил свои полномочия в местной уездной канцелярии, вручив подьячим Г. Попову и С. Кадешникову “послушные” именной и сенатский указы. С этой же поры официально заработала генеральская канцелярия. Первое упоминание об этом датировано 5 октября. Приказав капитану Е. Берлину, начальнику Кунгурской горной канцелярии, принять “судовые припасы” с коломенки, привезшей царского уполномоченного из Москвы, де Геннин велел подать отчет о приеме имущества “в канцелярию ведомства... генерала-мазора”³². Кстати говоря, Берлин был первым из горных офицеров, познакомившихся с новым начальником. Поскольку Геннину в пер-

²⁸ Впервые упомянут в КЗ 27 апреля, в доношении де Геннина в Кабинет. Генерал доверял ему получить часть денег на дорожные и прочие расходы и ожидаемую должностную инструкцию в том случае, если не сможет сделать это лично (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^а. Т. 3. Л. 505 об.).

²⁹ Напротив доношения в Берг-коллегию от 7 мая (первая просьба о командировании канцеляриста и подьячего) недатированная помета: “Прислан один молодой подьячий, а другога велено взять на Уктусских заводах” (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^а. Т. 3. Л. 506 об.). Учитывая, что де Геннин обращался с повторной (и последней) просьбой на этот счет 26 июня, следует полагать, что подьячий, о котором идет речь в процитированной помете, поступил в его распоряжение не ранее 26 июня.

³⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 23. Л. 23. Цит. по: *Корепищов Н. С.* Никифор Клеопин. С. 10.

³¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^а. Т. 3. Л. 511.

³² Там же. Л. 530.

вую очередь следовало установить контроль над местными ведомственными структурами, то он начал с ближайшей – Кунгурской горной канцелярии. 4 октября капитан Берлин вынужден был дать полный отчет о своей деятельности: кем и когда назначен на должность, кто состоит “в его команде”, какие оклады и из каких средств получают, какие выполняют обязанности³³. Того же числа были отосланы копии инструкции и “послушных” указов ассессору Сибирского высшего горного начальства берг-мейстеру И. Блиэру. Во исполнение указов Блиэру следовало отчитаться о состоянии медных рудников и ответить на вопрос “для чего по сие время в Кунгурском уезде медные... печи не построены?”³⁴. Наконец очередь дошла до номинального главы Высшего горного начальства – берг-советника И.-М. Михаэлиса, с августа 1722 г. обретавшегося в Соликамске. 5-го числа из генеральской канцелярии туда послали “указ к Вышнему горному началству, к берг-советнику Михаилису со объявлением всего дела, что господину генералу-мазору велено делать и с послушных указов копии”³⁵. После соблюдения этих необходимых формальностей де Геннин стал совершенно свободно распоряжаться ресурсами подведомственных горным властям заводов, канцелярий и контор, общаясь с Высшим горным начальством посредством указов, как с учреждением нижестоящим. Но в системе горнозаводского ведомства особняком оставались Каменские казенные заводы. Как уже упоминалось, они по старинке управлялись комиссарами, назначенными губернской канцелярией, и не подчинялись Высшему горному начальству. У Геннина долгое время не доходили до них руки. Почти два месяца он, члены его канцелярии, подведомственные непосредственно ей олонекские специалисты, офицеры и мастера Сибирского горного начальства обследовали Кунгурский и Соликамский уезды на предмет состояния старых и поиска новых месторождений медной руды, разведывали места, пригодные для строительства заводов, делали пробы горных пород, организовывали поставки необходимых материалов, нанимали людей... Только в декабре взоры генерала обратились на юго-восток, к верховьям Исети. Этот район Урала и ранее считался перспективным в плане развития горнозаводской промышленности. Еще в 1701 г. здесь был пущен один из первенцев уральской металлургии – Каменский нижний (доменный и молотовой) завод, а с 1704 г. заработали Каменский верхний (молотовой) и многопрофильный Уктусский заводы. Позже, в начале 1721 г., В. Н. Татищев и его помощники нашли целесообразным начать строительство нового крупного железоделательного завода на р. Исеть. По ряду причин основание этого предприятия оказалось приостановлено. В связи с этим де Геннина инте-

³³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^а. Т. 3. Л. 523 об.–525.

³⁴ Там же. Л. 525–526.

³⁵ Там же. Л. 527 об.

рессовали как состояние дел на уже существовавших мануфактурах, так и возможность возобновления работ по устройству Исетского завода. Но если Уктус, на котором квартировало Высшее горное начальство, находился под контролем личной канцелярии генерала, то администрация Каменских заводов по-прежнему сохраняла свою “автономию”. Первую попытку подчинить каменских комиссаров своей власти В. И. Геннин предпринял 10 декабря 1722 г., направив сибирскому губернатору письмо, в котором требовал “послушного указу на Каменской завод к управителем, чтоб послан был о состоянии тех заводов, и о присылке ведомости, и чтоб Каменских заводов управители были послушны”³⁶. Выдержав недельную паузу и не получив искомого, генерал попытался установить контроль над Каменской конторой самостоятельно, действуя по уже опробованной схеме. 17 декабря из “канцелярии ведомства господина генерала-мазора” отправили копию именного указа от 29 апреля, определявшего полномочия де Геннина, и два указа самого генерала в адрес каменских заводского комиссара Арсеньева и земского комиссара Фефилова. С первого требовался подробный отчет о заводских штатах, расходе и приходе денег и выпущенной продукции за текущий год, а со второго – ведомость о количестве населения в приписных слободах (в том числе особо – о “мужеска полу работников от 15 до 60 лет”) и взимаемых с них “окладных и протчих платежей”³⁷. Видимо, генерал не дождался нужной документации в отведенный по его расчетам срок. Во всяком случае через неделю, 25 декабря, он вновь, на сей раз в более категоричной форме, затребовал от Тобольска приписки “Каменских заводов под ведение здешних заводов со всеми на них обретающимися служителями, и з денежною казною, и з приписными к ним слободами”³⁸. Учитывая, что в дальнейшем де Геннин с особенной настойчивостью будет преследовать за должностные преступления именно каменских комиссаров (громкое дело Фефилова, Черкасова, Гобова и др.), можно предположить, что отношения между ними и новым руководителем изначально складывались очень непросто.

Знакомясь с принципами организации управления, которые внедрял де Геннин, трудно избежать мысли, что он, вольно или невольно, ориентировался на пример самого монарха. В этом отношении личная канцелярия генерала в известной степени копировала личную канцелярию императора – Кабинет Е. И. В., с работой которого Геннин был хорошо знаком. Конечно, любое учреждение подобного типа само по себе не имело официального государственного статуса. Кабинет Е. И. В., например, формально не являлся вышесходящей инстанцией по отношению к Сенату или коллегиям, но бли-

³⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^а. Т. 3. Л. 598. Курсив мой. – Д. Р.

³⁷ Там же. Л. 605–605 об.

³⁸ Там же. Л. 613.

зость к царю превращала его в могущественную структуру, имевшую влияние на решение многих государственных дел. То же, на своем уровне, происходило с личной канцелярией Геннина. Можно утверждать, что сфера полномочий генеральской канцелярии определялась сферой полномочий самого генерала. А он с первых дней пребывания на новом месте службы стремился вести себя как всевластный начальник. Вопреки мнению, высказанному Н. И. Павленко, генерал не ограничивал свою компетенцию только производственными и организационно-техническими делами. Может быть, у него и было такое намерение, пока он занимался в Москве подготовкой к отъезду и не располагал точной информацией о ситуации на Урале. Разумеется, что производственные дела он считал приоритетными: к тому его обязывали именно указ и царская инструкция. Но, приняв команду, Вилим Иванович посредством своей канцелярии и лиц, подчиненных ему, помимо Высшего горного начальства, стал руководить буквально всем. Обживаясь в Кунгуре, он первым делом позаботился об установлении регулярной связи со всеми маломальски значимыми населенными пунктами уезда, селами и острожками, “знатыми местами”, в которых можно было публиковать указы. Расположение Кунгура на пересечении трех пригодных к малому судоходству рек – Сылвы, Шаквы и Ирени – позволяло такую связь поддерживать, причем не только внутри уезда, но и за его пределами. За каждым направлением (сылвинским, шаквинским и иренским) был закреплен свой постоянный посыльный из солдат Олонецкого батальона – Степан Терентьев, Федор Кокин и Моисей Костарев соответственно. На них возлагалась доставка циркулярных распоряжений генерала, предназначенных “ко всеобщему опубликованию”³⁹. Для специальных поручений В. И. Геннин использовал как служителей своей канцелярии (О. Украинцева, кондукторов П. Вильстера, Н. Клеопина, К. Гордева), так и олонечских мастеров, офицеров Высшего горного начальства, подьячих уездной Кунгурской канцелярии. Конечно, большая часть генеральских инструкций, ордеров, указов и т. п. содержала производственные распоряжения, но их непосредственное исполнение возлагалось на Высшее горное начальство. В свою очередь, деятельность Высшего горного начальства по строительству заводов и эксплуатации рудников была поставлена под неусыпный контроль канцелярии. О необходимости подавать отчет в “ведомство господина генерала-мазора” напоминает практически во всех подписываемых документах, санкционированных де Генниным. В наиболее общем виде контролирующая и главенствующая роль канцелярии определена в пятом пункте инструкции от 22 ноября 1722 г., данной берг-секретарю Выс-

³⁹ Первое упоминание о постоянных курьерских маршрутах и прикрепленных к ним посыльных см.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^я. Т. 3. Л. 535.

шего горного начальства М. Ловзину: “О всех делах ведомости месячные присылать тебе ко мне за своею рукою через Кунгур”⁴⁰. Генералу и его канцелярии принадлежали и прямые административные функции, которые касались как производственных, так и общих вопросов. К ним относились: выдача привилегий частным лицам на строительство заводов (отчеты о функционировании этих заводов и налоги с них предписывалось собирать Высшему горному начальству, о чем оно, в свою очередь, подавало сведения в личную канцелярию, как отмечалось выше); заключение договоров подряда и поставки с частными лицами; прием отчетов рудоискателей; составление должностных инструкций чиновникам и канцелярским служителям горнозаводского аппарата; выдача паспортов рудоискателям, частным промышленникам и торговцам. В рамках своей компетенции де Геннин обладал всей полнотой финансовой власти. У его ведомства не было собственных средств, не считая денег, которые сам генерал получил еще в Москве на первоначальные текущие расходы. Но на основании данных ему полномочий он мог получать необходимые суммы из местных канцелярий (с последующим погашением из фондов Берг-коллегии). Определение размеров финансирования тех или иных производственных потребностей, выдача требований, на основании которых горные чиновники могли обращаться в уездные, провинциальные и губернские учреждения и ратуши местных городов, распределение полученных денег и, конечно, общий контроль за их расходом сосредоточивались в руках В. И. Геннина и его канцелярии.

В связи с финансовой деятельностью, со стремлением свободно распоряжаться трудовыми и управленческими ресурсами края, возможностью накладывать взыскания и производить назначения, особую остроту приобретали отношения де Геннина с местными органами государственной власти. Хотя к концу 1722 г. в ведении генеральской канцелярии оказались все горнозаводские структуры Урала – от Сибирского обер-бергамта⁴¹ до последней заводской конторы, В. И. Геннину была нужна более широкая юрисдикция, распространявшаяся на чиновников уездного и даже провинциального звена. И дело, конечно, было не в личных амбициях и властолюбии генерала. По его убеждению, того требовало точное следование полученным инструкциям, радение “интереса Его императорского величества”. А местные чи-

⁴⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^а. Т. 3. Л. 587 об.

⁴¹ Вопреки сложившемуся мнению, согласно которому Сибирское высшее горное начальство было переименовано де Генниным в Сибирский обер-бергамт летом 1723 г., есть основания полагать, что это произошло раньше. В КЗ зарегистрирован указ генерала от 18 декабря 1722 г. “во Обер-бергамт”, повелевавший не отпускать в Петербург железо, не проверив его качества (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^а. Т. 3. Л. 607 об.). Похоже, что это самое раннее упоминание региональной горной администрации под новым наименованием. До этого во всех документах личной канцелярии она фигурирует под старым, татнищевским, названием.

новники, невзирая на именные указы, далеко не всегда стремились содействовать заводскому строительству; некоторые же из них считали и вовсе излишним исполнять запросы ведомственного начальника. Отстраненно оценив ситуацию, можно понять мотивы поведения местных гражданских властей. Геннин требовал крупные суммы денег; воеводам, не имевшим права истратить из уездных средств лишней копейки на нужды собственных канцелярий, было досадно отдавать тысячи рублей в чужое ведомство. Геннин требовал людей; воеводам, несшим перед центральными властями ответ за сбор бесчисленных платежей и хронические недоимки, было невыгодно отдавать крестьян на заводские работы: отработывая подушную подать по горному ведомству, они портили налоговую отчетность уездных и провинциальных администраций. Геннин требовал канцеляристов; воеводы, которые сами постоянно испытывали острый недостаток в кадрах, были раздражены самим фактом этих требований. И, наверное, им до крайности был досажен командный тон генерала, его указы, подчеркивавшие их низжестоящее положение. Напрасно де Геннин едва ли не каждое свое обращение к воеводам и комиссарам начинал со ссылок на государеву волю, на то, что он действует не из собственных побуждений, но ревностно охраняя “Его императорского величества корысть”. Император был далеко, а неумный “немец” – рядом; его требования воспринимались как его прихоти, и бюрократическая ревность заставляла сопротивляться.

Де Геннин негодовал. Его письма и доношения в Петербург полны претензий к местным чиновникам. Их саботаж, по мнению генерала, можно было легко преодолеть. Как подсказывал олонекский опыт, следовало всю власть в уездах, на территории которых действовало горнозаводское производство, сосредоточить в одних руках. В рапорте, поданном в Кабинет Е. И. В. 15 февраля 1723 г., Геннин писал: “Того ради прошу, чтоб из Кабинета Вашего величества дать мне полномочной указ, чтоб они (воеводы. – Д. Р.) были под мою команду, а без моей бытности – кому оные заводы поручены будут...”⁴². “...Пошли указ, чтоб Вядские, Кунгурские, Соликамские, Верхотурские дистрик воеводы и камериры под моей командой быт, покамест я исправлу и размношу твоих заводы, чтоб они мне лучше боялис и слушал”, – просил он лично Петра I в письме, посланном царю месяц спустя, 15 марта⁴³. С аналогичными просьбами генерал обращался к императору и его кабинет-секретарю А. В. Макарову и позже⁴⁴.

⁴² Геннин В. Уральская переписка... Док. № 17. С. 67.

⁴³ Там же. Док. № 22. С. 89. Это письмо написано де Генниным собственноручно и передает разговорный русский язык генерала.

⁴⁴ Письма 14 июля и 7 сентября 1723 г. Там же. Док. № 26. С. 105–106; Док. № 27. С. 110.

Разумеется, В. И. Геннин не был бы самим собой, если бы уповал только на жалобы и дожидался решения проблемы “сверху”. Насколько было возможно и, в зависимости от ситуации, с той или иной степенью успеха, он явочным порядком вынуждал местные власти подчиняться его воле. Первой “пала” Кунгурская уездная канцелярия. Так случилось, что с 1718 г. в Кунгурском уезде обязанности земского комиссара (воеводы) исправлял старый подьячий Григорий Попов, а за сбор податей по уезду отвечал другой подьячий – Семен Кадешников. Их низкий служебный ранг, не соответствовавший занимаемым должностям, позволил де Геннину без лишних разговоров “взять в команду” уездную канцелярию. Оба подьячих не только безропотно подчинялись всем хозяйственным распоряжениям генерала, предоставляя ему и его людям подводы, крестьян и деньги, но и вынуждены были лично исполнять его административные указания. Несмотря на то что Кунгурская уездная канцелярия находилась в прямом ведении вятских провинциальных властей, де Геннин командовал кунгурскими подьячими как своими и принимал в их отношении кадровые решения, не утруждаясь перепиской с Хлыновым. Старшего из кунгурских подьячих, Г. Попова, В. И. Геннин фактически мобилизовал на службу по горному ведомству. Попов часто сопровождал генерала в инспекционных поездках по уезду, а с середины ноября 1722 г. и вовсе был назначен отвечать за бухгалтерию (“к денежному счету”) на строительстве Егошихинского завода под командой капитана Е. Берлина. В подробной инструкции, данной “камисару Попову” 22 числа, в п. 17, генерал указывал, что при этом с подьячего не снимались его обязанности по уездному управлению и, “хотя прежнее твое судейское дело от тебя не отъемлется, однако ж не должен ты *ни по какому указу без ведома нашего от сего дела* (заводского. – Д. Р.) *отлучаться под жестоким наказанием*”⁴⁵. Надо добавить, что Г. Попов и С. Кадешников были вынуждены подчиняться де Геннину не только в силу большой разницы в иерархическом положении. Оба были у генерала, что называется, “на крючке” по подозрению в совершении серьезных преступлений. Еще в октябре 1722 г. на них был подан извет по “государеву слову” от арестанта Кунгурской уездной канцелярии отставного солдата И. Казанцева, который доносил, что Г. Попов был замешан в контрабандном отпуске оружия и боеприпасов “немирным” башкирам “за Камень”, а С. Кадешников – в утаивании крупных сумм из окладных сборов и подтасовке данных подворных переписей в Кунгуре и уезде⁴⁶. И хотя тогда же, в день получения доноса, В. Геннин распорядился начать розыск, он, судя по всему, не дал делу хода. О мотивах, которыми в этом случае руководствовался гене-

⁴⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^а. Т. 3. Л. 576 об. Курсив мой. – Д. Р.

⁴⁶ Там же. Л. 543–544 об.

рал, можно рассуждать довольно долго, но это слишком увело бы нас от темы настоящей статьи. Только как бы ни обстояли дела, оба старших подьячих Кунгурской канцелярии еще больше стали зависеть от царского уполномоченного. Административному натиску голландца не очень активно противились и провинциальные власти Вятки. Вероятно, это отчасти можно объяснить течением обстоятельств. Энергичный и непреклонный воевода Вятской провинции полковник В. И. Чаадаев, в свое время немало попортивший крови В. Н. Татищеву и умевший отстаивать prerogatives своего ведомства, скончался в конце 1721 или в 1722 г.⁴⁷, а его преемники, видимо, не отличались особенной настойчивостью.

В определенную зависимость от В. И. Геннина попала и администрация Верхотурского уезда. Конечно, бывшее административное величие Верхотурья и реальное значение этого уездного центра были повыше, чем у Кунгура. Да и верхотурский воевода, или земский комиссар, Алексей Беклемишев был не ровня кунгурским подьячим. Старинный московский род Беклемишевых был не чужим и на сибирской службе. Хотя в XVII в. многим служилым фамилиям удавалось теснее связать свои судьбы с сибирскими городами, тем не менее во второй половине столетия Беклемишевы четырежды в разные годы сидели на воеводствах в Туруханске, Туринске, Тюмени и даже в Тобольске⁴⁸. Но когда летом 1723 г. на территории уезда развернулось строительство медеплавильного завода на р. Ляле, де Геннин не колеблясь приказал осуществлять общее руководство работами верхотурскому воеводе, подчеркнув в соответствующем указе, “дабы он *от того дела не отлучался без ведома нашего*, и в том строении имел радетельное старание”. Правда в этом случае генерал счел нужным соблюсти определенный бюрократический этикет. Отправив процитированный указ А. Беклемишеву в 20-х числах июля, он 3 августа известил промеморией о своем решении Тобольскую губернскую канцелярию, предложив немедленно подтвердить назначение верхотурского воеводы к горным делам. Впрочем подтверждающий указ из Тобольска не очень интересовал Вилима Ивановича: вопрос и так был решен. “Доколе от губернии указ и не прислан будет, велел я ему работников давать и протчие припасы готовить”, – писал де Геннин. Однако “между тем может... и воеводское дело отправлять, и в том ему помешательства не будет”, – великодушно “позволял” генерал⁴⁹. И, надо сказать, обязанности “эксекую-

⁴⁷ М. М. Богословский указывал, что в 1723 г. в Московском надворном суде уже шла тяжба между наследниками В. И. Чаадаева (*Богословский М.* Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719–1727 гг. М., 1902. С. 197). Таким образом, скорее всего де Геннину не пришлось сколько-нибудь долго общаться с воеводой, если вообще пришлось.

⁴⁸ См.: *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 151–183.

⁴⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 21⁶. Л. 72–72 об.

ра” по горной части пришлось А. Беклемишеву по душе. Прикрываясь “неотменными” делами по заводскому строительству, воевода получил возможность по тем или иным вопросам не подчиняться губернским властям, прибегая к покровительству “господина генерала-мазора”⁵⁰, хотя последний не во всем был доволен Беклемишевым, периодически сетуя на верхотурского воеводу царю, не называя, впрочем, по имени.

А вот с еще одним местным начальником – соликамским провинциальным воеводой кн. Н. М. Вадбольским – отношения у де Геннина никак не ладились. Вероятно, преисполненный родовой и служебной гордости, князь Никита Матвеевич и мысли не мог допустить, что им может командовать какой-то горный комиссар, пусть даже и предъявивший именные указы. Упорное нежелание исполнять запросы горнозаводских властей сделало кн. Вадбольского однозной фигурой еще в татищевские времена. В. И. Геннин приложил все свое упорство, чтобы вынудить соликамского воеводу следовать указам, но это выходило плохо и всякий раз требовало новых усилий. В переписке с Петром I де Геннин постоянно досадовал на князя и не жалел красок, описывая его “продерзости”. Один из таких пассажей можно процитировать в качестве иллюстрации. В письме кабинет-секретарю А. В. Макарову от 14 июля 1723 г., распекая уральских воевод вообще, “понеже они, господа, позабыв страх Божий, присяжную должность и Его императорского величества собственной руки подписания на указах”, противятся заводскому строению, генерал особо обрушивается на Вадбольского, который “диявольским вымышлением” “для строения... заводов работников не дает, но отказал такими безделными отговорками: ежели мужики будут заводы строить, то подать им платить нельзя и не дал. Сверх того... воевода князь Вадбалской по указам государевым никакого споможения не чинит, но поступает в горных делах непорядочно: беглых горных учеников он, воевода, принимает и у себя держит, без суда обербергамта оных бьет кнутом...”⁵¹. Противоборство со строптивым князем длилось несколько лет, пока в 1726 г. де Геннин наконец не добился его смещения и назначения на вакантную должность другого, более покладистого князя – С. М. Козловского, бывшего президента Тобольского надворного суда.

Генеральский гнев вызывало не только административное упрямство воевод, но и разнузданное лихоимство, процветавшее на всех уровнях местной власти. Тотальное вымогательство взяток с населения, сопряженное с

⁵⁰ Подробнее о тяжбах А. Беклемишева с губернской канцелярией и камерирской конторой см.: *Редин Д. А.* Генерал де Геннин – князь Козловский: к истории межведомственного конфликта 1723–1724 гг. // Русские старожилы. Материалы III Сиб. симпози. “Культурное наследие народов Западной Сибири” (11–13 декабря 2000 г., г. Тобольск). Тобольск; Омск, 2000. С. 317–318.

⁵¹ *Геннин В.* Уральская переписка... Док. № 26. С. 106–107.

насилием, а иногда обретавшее формы неприкрытой уголовщины⁵², приводило к разорению и бегству крестьян, крайне затрудняя их использование в заводских делах. “В здешних приписных к заводам дистриктах и слободах... камисары... едва не все к пытке достойны”, – с раздражением замечал де Геннин в уже упоминавшемся рапорте в Кабинет от 15 февраля 1723 г.⁵³, и этот рапорт был не единственным, содержащим подобные оценки. В 1723–1724 гг. генерал вынужден был провести целую серию розыскных мероприятий по делам комиссаров-лихоимцев. Действуя таким образом, он формально превышал данные ему полномочия, вторгаясь в сферу компетенции провинциальных и губернских администраций и надворного суда. Хотя, по сути, В. И. Геннин был прав, верховная власть не пошла на удовлетворение его просьб и не узаконила подчинение воевод генералу. Скорее всего в Петербурге не хотели создавать опасного прецедента, наделяя отраслевого чиновника губернаторскими полномочиями. Столица ограничилась лишь очередными “подтвердительными” указами, которые “накрепчайше” напоминали всем заинтересованным структурам о необходимости оказывать помощь горным властям в “размножении” заводов под страхом штрафа⁵⁴. Что касается реакции губернских властей, то они пытались “держать удар”, в частности, всячески препятствуя Геннину в розысках и покрывая арестованных им вымогателей. В конце концов Тобольский надворный суд даже перешел в контратаку, подав на генерала жалобу в Юстиц-коллегию, ставя ему в вину не просто превышение полномочий, но и препятствие правосудию⁵⁵.

Впрочем нельзя сказать, что де Геннин проиграл межведомственные битвы 1722–1724 гг. Он все-таки заставил местных чиновников с должным почтением относиться к себе и своему учреждению. Он организационно укрепил структуру горнозаводского управления и расширил территорию прямой юрисдикции горных властей, увеличив число ведомственных дистриктов, продолжив процесс, начатый еще В. Н. Татищевым. Все это объективно способствовало превращению обер-бергамта в учреждение губернского ранга,

⁵² Один из ярких примеров такого рода – деятельность некоего Алексея Булгакова, который подвизался подчиненным комиссаром в Багаряцкой слободе Каменского дистрикта. Помимо традиционных взяток, которые этот достойный администратор, как и его многочисленные сотоварищи, вымогал из крестьян побоями, “оной же Булгаков грабил на дороге крестьянина Марка Пьянкова. Как он погнал скота на Демидовы заводы, и оной настиг его, ограбил нагло...” (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^а. Т. 1. Л. 8).

⁵³ *Геннин В.* Уральская переписка... Док. № 17. С. 66.

⁵⁴ Первый из таких указов поступил в конце 1723 г. См.: *Геннин В.* Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. С. 541–542.

⁵⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 424. Л. 11–11 об. Соперничество де Геннина с губернскими властями в области судебных полномочий рассмотрено в отдельной статье, подготовленной к печати: *Редин Д. А.* О разграничении юрисдикций гражданских и горных властей на Урале (на примере уголовных дел 1723–1724 гг.).

известное нам по документам 1730-х и последующих годов. Тем не менее, хотя авторитет де Геннина так или иначе осенял и Сибирский обер-бергamt, надо помнить, что в середине 1720-х гг. под “ведомством генерала-мазора” в первую очередь понималась его канцелярия и все вышеописанные полномочия принадлежали де Геннину, а не обер-бергамту, реализовывались через генеральскую, а не обер-бергamtскую канцелярию.

Эти различия были заметны и на уровне организации делопроизводства: в личной канцелярии генерала оно не просто велось отдельно от обер-бергamtского, но и отличалось более упрощенной, чем было принято в канцеляриях коллегиальных учреждений, схемой. В первую очередь это проявлялось в меньшем объеме и более ограниченной номенклатуре внутренней документации. Надо полагать, что основным видом внутренней документации канцелярии де Геннина были регистры, фиксировавшие входящую и исходящую корреспонденцию и в ряде случаев содержавшие пометы о исполнении документов. Учитывая, что канцелярия существовала недолго (до 1725 г.), таких регистров должно было отложиться немного. Первый из них – цитируемая в настоящей статье КЗ – отражает начальный этап функционирования личной канцелярии (1722 г.). Вероятно, аналогичные книги (может быть, более соответствовавшие формуляру журналов регистрации входящих и исходящих документов) велись в 1723 и 1724 гг., причем, если объем документооборота канцелярии был слишком велик, таких книг могло быть по две на год, что, впрочем, маловероятно.

В генеральской канцелярии могли существовать какие-то виды внутренней справочно-информационной документации, в первую очередь экстракты самой разной тематической направленности. Так, например, КЗ дает возможность утверждать, что по распоряжению де Геннина был составлен экстракт из всех первоначальных нормативных документов, определявших круг его должностных прав и обязанностей. Как говорилось выше, этот экстракт был занесен в КЗ. Возможно, что в дальнейшем генерал практиковал подобные справочные выписки из поступавших к нему указов. Требуя ежемесячных отчетов от Высшего горного начальства / Сибирского обер-бергамта, он мог поручать секретарю своей канцелярии делать тематические выборки из этих отчетов. Подобная документация могла, в свою очередь, переплетаться в особые журналы. Зная страсть В. И. Геннина к порядку и учитывая его последующие научно-технические труды, требовавшие большого подручного справочного материала, предположить наличие различных экстрактов вполне вероятно.

Без сомнения, в канцелярии имелась документация по личному составу. Списки жителей приписных слобод и заводских работников периодически поступали в “ведомство генерала-мазора” из подчиненных контор. В канцелярии составлялись штаты местных горнозаводских учреждений, в том числе

первое штатное расписание Сибирского обер-бергамта, двух нижних начальств и строящихся заводов (ноябрь 1723 г.), о чем подробно писал Э. А. Пензин⁵⁶. Из канцелярии выходила многочисленная организационная документация, в первую очередь представленная должностными инструкциями горным офицерам и мастерам; уже в первые месяцы пребывания де Геннина на Урале таких инструкций составляется немало, что зафиксировано КЗ.

С наибольшей вероятностью можно утверждать, что в канцелярии не велось протокольное делопроизводство. Наиболее принципиальные дела генерал решал единолично, что исключало протокольную фиксацию. Вопросы, которые, по его мнению, требовали коллегиального рассмотрения, обсуждались с членами обер-бергамта и оформлялись протоколами заседаний названного учреждения. Наконец, как любая канцелярия, канцелярия де Геннина осуществляла обработку документов (оформление исходящей корреспонденции, ее отправка, размножение документов) и организацию их текущего хранения. Помимо нормативной, финансовой, производственной и прочей документации, в текущем архиве канцелярии сосредоточивались различные челобитные от податного населения (среди которых большую долю составляли жалобы на злоупотребления чиновников), а также материалы по розыскным делам, возбуждавшимся по приказанию В. И. Геннина. Впоследствии текущий архив личной канцелярии был включен в архив Сибирского обер-бергамта и ныне рассредоточен по разным делам 1-й и 12-й описей 24-го фонда ГАСО.

Как любое учреждение того времени (особенно провинциальное), канцелярия Геннина испытывала постоянную нехватку делопроизводственных кадров. На первых порах, кроме секретаря, в ее штате находились два подьячих. По прибытии в Кунгур Вилим Иванович привлек к работе еще по меньшей мере двух подьячих из Кунгурской уездной канцелярии – старого подьячего Г. Попова и молодого подьячего Д. Шуткина. Однако за Поповым оставались обязанности по его прежним уездным делам, да сверх того он оказался загружен дополнительной работой в связи с началом строительства Егосихинского завода. Поэтому В. И. Геннин был вынужден просить подьячих из Тобольска⁵⁷ или препираться на этот счет с Вятской провинциальной канцелярией⁵⁸. В любом случае едва ли в его канцелярии одновременно труди-

⁵⁶ Пензин Э. А. Сибирский обербергамт – орган управления горнозаводской промышленностью Урала в первой половине XVIII в. С. 112–113.

⁵⁷ Письмо сибирскому губернатору от 10 декабря 1722 г. о присылке подьячего П. Анфимова или Ф. Неклюдова (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^о. Т. 3. Л. 598). Присланный в распоряжение генерала Федор Неклюдов не задержался на службе в личной канцелярии. В июне 1723 г. его пришлось назначить на должность заводского комиссара на строящийся Исетский завод вместо покончившего с собой Ф. Еварлакова. См.: Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге. С. 26.

⁵⁸ Как, например, по поводу старого подьячего Е. Костромина, бывшего на протяжении трех лет (еще с татищевской поры) предметом раздоров между провинциальными вятскими и горными властями. В. И. Геннин в очередной раз попытался перевести Костромина в горный

лись более двух подьячих. Недостаток канцеляристов, конечно, сказывался на количестве и качестве делопроизводства. В связи с этим большой интерес представляет вопрос об объеме и интенсивности документооборота личной канцелярии де Геннина. К сожалению, на этот вопрос нельзя дать исчерпывающего ответа, поскольку в нашем распоряжении нет полной учетной документации канцелярии. Но на основании изучения КЗ можно сделать некоторые наблюдения, касающиеся первых месяцев работы этого учреждения.

Общее количество документов, прошедших через личную канцелярию В. И. Геннина с марта по декабрь 1722 г., составляет 265 единиц, из них исходящих – 197, а входящих – 68. Прежде всего бросается в глаза инициативный стиль работы учреждения, что вполне соответствовало характеру самого генерала – человека необычайно деятельного и не терпевшего проволочек. При этом надо учесть, что в полную силу канцелярия заработала только с октября, с момента прибытия Геннина и его команды на Урал. Немалая часть записей в КЗ носит характер путевых. Еще более точное представление об интенсивности работы личной канцелярии дает количественный помесечный анализ ее деятельности (таблица).

Документооборот личной канцелярии де Геннина в 1722 г.

№ п/п	Месяц	Количество документов		
		исходящих	входящих	всего
1	Март	1	–	1
2	Апрель	13	12	25
3	Май	11	5	16
4	Июнь	2	2	4
5	Июль	7	3	10
6	Август	5	1	6
7	Сентябрь	2	–	2
8	Октябрь	50	15	65
9	Ноябрь	38	11	49
10	Декабрь	68	19	87
	Итого	197	68	265

На основании данных, приведенных в таблице, можно увидеть, что активность канцелярского документооборота по степени интенсивности распадается на три периода: первый период – апрель–май (средняя интенсивность); второй – июнь–сентябрь (низкая интенсивность); третий период –

штат, послав на этот счет указ в Вятскую канцелярию 22 ноября 1722 г. (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^р. Т. 3. Л. 571).

октябрь–декабрь (высокая интенсивность). В этой систематизации особняком стоит март, что легко объяснимо: в марте В. И. Геннин успел лишь получить именной указ о присвоении ему звания генерал-майора и распоряжение об отъезде с Олонецких заводов в Москву для подготовки к дальнейшей отправке на Урал. Проведя большую часть месяца в дороге (потратив к тому же четыре дня для осмотра Сестрорецких мануфактур), новоиспеченный генерал сумел отправить только одно доношение – в Кабинет Е. И. В. (от 10 марта), в котором он запрашивал уточнения своих задач и полномочий по предстоящей службе. В апреле и мае Геннин комплектовал штаты, в том числе и канцелярские, и вел переписку с различными учреждениями по вопросам оснащения экспедиции и обеспечения поездки и первоначальных действий на Урале. К лету основные проблемы были решены, и во второй половине июля генерал со своими людьми отправился на восток. Во время своей поездки (как впрочем и позже, совершая инспектирование производственных объектов в регионе) Вилим Иванович редко вступал в переписку с физическими и юридическими корреспондентами, что неизбежно отражалось на падении объема документооборота его канцелярии. Отсюда низкая делопроизводственная активность учреждения в июле–сентябре и некоторое падение показателей документооборота в ноябре, когда Геннину часто приходилось выезжать из Кунгура для осмотра рудников и мест, пригодных к заводскому строительству. Если не считать указанного ноябрьского спада, то можно говорить о неуклонном росте объема работы канцелярии в конце года. Об этом косвенно, но убедительно свидетельствует еще один факт: с октября заметно ухудшается качество оформления КЗ (не ведется полистная запись названий месяцев, против каждой регистрационной записи не проставляются числа, а если время от времени числа и записываются, то часто не в отведенной для этого графе, а прямо в графе регистрационных записей). Вероятно, в дальнейшем объем документооборота стремительно возрастал, а качество канцелярской работы не улучшалось. Во всяком случае Н. И. Павленко указывал на недовольство Сената и Берг-коллегии постановкой канцелярской работы в горнозаводской уральской администрации⁵⁹.

Конечно, недовольство центральных учреждений было связано не только с тем, что В. Геннин отказывался от ответственности за весь комплекс горнозаводской отчетности. Изживали себя сами принципы руководства отраслью, предполагавшие наличие чрезвычайного органа – генеральской канцелярии. Первоначальная задача, поставленная перед де Генниным в 1722 г., оказалась выполнена: заводы “исправились”. Теперь, когда сеть предприя-

⁵⁹ См.: Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности в России в первой половине XVIII в. С. 149.

тий на Урале расширилась, а количество приписных дистриктов увеличилось и усложнилось все хозяйство в целом, потребовалась и иная схема управления, основанная на постоянных учреждениях⁶⁰. Берг-коллегию не могло больше удовлетворять то своеобразное “двоевластие”, которое обнаружилось в системе местного отраслевого администрирования: Сибирский обер-бергамт, находившийся в ведении Берг-коллегии, был подчинен генералу де Геннину и его канцелярии, в то время как сам де Геннин, строго говоря, не был подчинен Берг-коллегии, ведь он по-прежнему оставался облеченным специальными полномочиями верховной власти. Коллежскому руководству было бы гораздо удобнее, если бы генерал непосредственно встал во главе обер-бергамта, войдя, таким образом, де-юре в ведомственную номенклатуру. Но такая перспектива не соответствовала планам самого де Геннина, упорно не желавшего связывать себя с обширной канцелярской работой по обер-бергамту и, вероятно, терять особые полномочия. Кроме того, продолжая усердно выполнять организационно-производственные и инженерные обязанности, он, видимо, не расставался с мыслью в обозримом будущем покинуть Урал, к чему его подталкивало и состояние здоровья.

Обнаружившиеся различия в подходах к организации горнозаводского управления между де Генниным и Берг-коллегией разрешились компромиссом.

Во время очередного приезда генерала в Петербург “для предоставления отчета и лечения”⁶¹ в начале 1725 г. Берг-коллегия приняла решение направить на Урал новых уполномоченных, которые взяли бы на себя часть административных забот по Сибирскому обер-бергамту, в то время как де Геннин принял бы общее начальство в учреждении. Налаживать организацию канцелярских дел поручили лейтенанту флота кн. Р. Ф. Горчакову. К месту службы в Екатеринбург Горчаков прибыл в мае, а исполнять обязанности начал в июне того же года⁶². 26 июля 1725 г. Берг-коллегия официально подтвердила полномочия князя специальным указом, о чем была сделана запись в книге протоколов заседаний Сибирского обер-бергамта⁶³. Другим чинов-

⁶⁰ Говоря о постоянных учреждениях, я не делаю временного акцента: для динамичной эпохи Петровских реформ это не актуально. Под постоянными я понимаю учреждения *не чрезвычайные*, т. е. такие, чья деятельность основана на типовых нормативных актах, более или менее точно определяющих цель работы, штат, структуру, порядок функционирования и место учреждения в общей административной иерархии.

⁶¹ Злотников М. Ф. Первое описание... С. 58.

⁶² Пензин Э. А. Протоколы Сибирского обербергамта (1723–1734 гг.) как исторический источник // Историография и источниковедение. Свердловск, 1976. С. 127.

⁶³ “Того ж числа слушав присланного указа из государственной Берг-коллегии о прибытии лейтенанта князя Горчакова. Определили: о вступлении в правление дел во Обер-бергамте. С которого числа оной князь Горчаков вступил в правление дел, послать в государственную Берг-

ником, ставшим ассессором обер-бергамта летом 1725 г., был берг-мейстер И. Г. Гейденрейх (Генденрейх), в чьи обязанности входило управление горными делами (эксплуатация рудников, поиск месторождений, пробы пород)⁶⁴. С лета 1725 г. протоколы заседаний обер-бергамта подписывали кн. Р. Горчаков, И. Гейденрейх и К. Гордеев. В некоторых случаях к ним присоединялись комиссары С. Неелов и Ф. Неклюдов. В середине сентября того же года де Геннин выехал из Петербурга и вернулся на Урал во второй половине ноября⁶⁵. 19 ноября генерал впервые после возвращения из столицы поставил свою подпись под обер-бергамтским протоколом⁶⁶. С этих пор он неизменно председательствовал на заседаниях обер-бергамта; его подпись – первая под протоколами, за нею следуют подписи Горчакова и Гейденрейха, а иногда только Горчакова. Это означало только одно: генерал де Геннин встал во главе Сибирского обер-бергамта. Эпоха личной канцелярии закончилась.

* * *

Личная канцелярия В. И. Геннина (1722–1724 гг.) функционировала по образу и подобию аналогичных учреждений первой четверти XVIII в. Это был чрезвычайный орган, стоявший над системой органов государственного и ведомственного управления и вне ее. Влияние подобного рода заведений определялось авторитетом их начальника и степенью доверия к нему монарха. Думается, появление таких учреждений реанимировало архаические черты ранней приказной системы, что, может быть, следует считать знаковым явлением в период структурной ломки всего административного устройства, характерной для времени Петровских реформ. Реализация тех или иных государственных задач вновь стала осуществляться через личное поручение. Монарх в самых общих чертах определял конечную цель какого-либо плана и отдавал ее разработку “в приказ” доверенному лицу. Успех или провал предприятия обуславливался личным служебным статусом, талантом, энергией и упорством последнего. В процессе исполнения поручения формировалась некая управленческая структура. При благоприятном стечении обстоятельств эта структура могла эволюционировать в самодостаточную, саморегулирующуюся систему, дальнейшая деятельность которой уже мало зависела от того, кто ее возглавлял. Она могла работать хуже или лучше, но, во всяком случае,

коллегию доношение” (ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193. Л. 39). Эта протокольная запись свидетельствует, что сообщение Н. И. Павленко об официальном вступлении кн. Горчакова в должность в июле следующего, т. е. 1726, года ошибочно (*Павленко Н. И.* Развитие металлургической промышленности в России. ... С. 149).

⁶⁴ См.: *Пейзин Э. А.* Сибирский обербергамт – орган управления горнозаводской промышленности Урала в первой половине XVIII в. С. 114.

⁶⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193. Л. 82 об., 84 об., 117–117 об.

⁶⁶ Там же. Л. 117–117 об.

не исчезала вместе с уходом первого лица. Похоже, что нечто подобное наблюдалось в середине 1720-х гг. на Урале, после того как произошло слияние личной канцелярии де Геннина с некогда маловлиятельным местным ведомственным учреждением – Высшим горным начальством / Сибирским обер-бергамтом.